

Политические и экономические составляющие геостратегии государства

В стратегических исследованиях проблема конфликта между краткосрочными и долгосрочными целями является классической. В геостратегическом измерении эта проблема трансформируется в соотношении приоритетов геополитики и геоэкономики. Современное государство, исходя из глобальной «конъюнктуры», выбирает необходимый баланс, оптимальное соотношение между ресурсным обеспечением своей внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности на международной арене.

«Традиционно в международной политике целью войны была защита своей территории или захват и установление контроля над территориями других стран, или же — установление дипломатического контроля над правительствами иностранных государств, — пишет современный американский геостратег Э. Люттвак. — Цели стратегов геоэкономических войн иные, и они не сводятся к достижению максимально высокого уровня жизни для населения страны, а скорее ориентированы на завоевание превосходства в мировой экономике или в защите уже завоеванных позиций» [9, 309–310].

Во многих случаях во имя получения перспективных геополитических дивидендов государство идет на серьезные геоэкономические уступки и даже жертвы. Если говорить только о современных международных отношениях то, как минимум со времен «холодной войны» и блокового противостояния ключевые международные игроки в глобальном масштабе буквально «покупали» (преимущественно путем предоставления очень выгодных заемщику кредитов и инвестиций) геополитическую лояльность многих сателлитов и потенциальных союзников преимущественно из стран третьего мира. (Порожденная этим проблема долгов бывшего СССР до конца не решена до сих пор).

В региональном масштабе данная проблематика аккумулировалась в узловых точках европейской интеграции. Так, Германия, отягощенная бременем исторического прошлого, в качестве своеобразной компенсации изначально выступала «локомотивом европейской интеграции»: именно ФРГ буквально «вытягивала» западноевропейскую геоэкономическую и геофинансовую интеграцию, усиливая тем самым и свой геополитический вес и влияние, причем не только во внутриевропейском масштабе.

Геополитическое решение о предоставлении членства в ЕС таким странам, как Румыния и Болгария, также было серьезным геоэкономическим вызовом. На подобный «чреватый последствиями» шаг Евросоюз пошел в надежде, что стимулируемые открывающимися европейскими перспективами, отнюдь небеспроблемные новички активизируют национальное геоэкономическое развитие. Даже сами болгарские эксперты (И. Ангелов и др.) признавали: «Решение пригласить Болгарию и Румынию к переговорам о вступлении в сообщество, принятое Евросоюзом в 1999 г. в Хельсинки, — политически мотивированный жест. Анализы как Европейской комиссии, так и независимых исследователей макро- и микроэкономических показателей этих стран не подтверждают экономическую целесообразность этого шага ЕС».

Более того, Ж. Делор, бывший председатель Еврокомиссии и архитектор нынешней фазы интеграции, полагал, что Брюссель сделал ошибку, приняв в сообщество десять новых государств. По его мнению, это лишь ослабляет Евросоюз, ибо страны-«новички» являются не «производителями», а лишь «потребителями» и, повиснув неподъемным грузом на ногах ЕС, приведут к дальнейшему обострению экономических проблем. Сегодняшний затяжной европейский кризис можно считать ярким подтверждением правоты скепсиса опытного евроинтегратора.

В последние десятилетия геостратегическим «обменом» занимается и РФ, занимающая первое место в мире по запасам природного газа и второе — по запасам нефти [4]. На геоэнергетическую иглу России все серьезнее подсаживаются ее ближние и дальние соседи (от Украины и ЕС до Китая и Кореи). В рамках так называемой нефтегазовой дипломатии Москва активно, хотя и не без затруднений, конвертирует отнюдь неослабевающую геоэнергетическую зависимость

в перспективные геополитические дивиденды. (То обстоятельство, что РФ, около 70 % экспорта которой приходится на минеральное сырье и ресурсы, исподволь превращается в сырьевой придаток и рискует подхватить «голландскую болезнь» [4], оставим «за скобками»). В подобных терминах можно рассматривать и реализуемые Москвой проекты региональной интеграции на пространстве СНГ, во многом коррелирующие с историей «собираания русских земель» (с XIII в.), — от СНГ как такового до ЕврАзЭС, ЕЭП/ТС и, частично, ОДКБ и ШОС. (В качестве яркой иллюстрации риском вспомнить несколько одиозного геополитика А. Дугина: «Новая Империя, которую предстоит создавать русскому народу, имеет свою внутреннюю геополитическую логику, вписанную в естественную структуру географического пространства планеты. В основу геополитической конструкции этой Империи должен быть положен фундаментальный принцип — принцип “общего врага”» [3]). Еще более характерен непростой опыт членов так называемого СНГ-2 (Содружества непризнанных государств): квази-государственная дееспособность большинства из них (от Приднестровья до Абхазии) держится исключительно на российских военных, финансовых и прочих «вливаниях».

Банк Англии, первый институт подобного рода, своим возникновением (1694 г.) обязан войнам, которые вела Британская империя против Франции «короля-солнца» Людовика XIV. («Почему Франция была угнетена и истощена, тогда как Англия ликовала и процветала? Почему Англия продиктовала, а Франция приняла условия мира? — анализировал проблему классик геополитики адмирал А. Т. Мэхэн. — Причина, очевидно, заключалась в различии богатства и кредита. Франция сопротивлялась одна против многих врагов, поднятых и ободрившихся английскими субсидиями» [6]). Нынешняя же постимперская Великобритания уже давно реализует альтернативную геостратегическую модель — конвертацию геополитических ресурсов в геоэкономические прибыли и геофинансовые преференции. Британская внешняя политика опирается на черчиллеву концепцию «трех окружностей»: роль Великобритании в качестве главного партнера США, лидера Содружества наций и ключевой западноевропейской державы. При этом, как довольно афористично и несколько провокационно отмечал американский левый геоэкономист Л. Ларуш,

Британская империя не является империей британской нации над другими нациями. Смыслом Британской империи, расположенной в финансовом центре Лондона (Сити), куда она переместилась из предыдущих имперских центров, заключается в том, что частные банковские интересы практически контролируют глобальную геофинансовую систему.

«Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты» (К. Маркс). В силу этого деньги (а с ними и прочие ресурсы) зачастую идут не туда, где они больше всего нужны, но туда, где они могут дать наибольший результат или хотя бы эффект. «Изнанкой» обмена геоэкономических ресурсов на геополитические преференции является прежде всего то, что данные ресурсы недополучают экономика и общество страны-«донора». (Одной из причин краха СССР стало именно это обстоятельство). Так, З. Бжезинский в последней книге «Стратегическое видение: Америка и кризис глобальной силы» (февраль 2012 г.) [7] откровенно утверждал: США, растратив значительную часть своей мощи и престижа, сейчас очень напоминают СССР перед его распадом.

Кроме того, на определенном этапе возникает обратная зависимость — уже не только «должника» от «кредитора», но «кредитора» от «должника». Яркий пример — геофинансовый срез отношений США и КНР. Можно вспомнить также реплику З. Бжезинского (22.12.2009): «Россия может иметь сколько угодно ядерных чемоданчиков и ядерных кнопок, но поскольку 500 миллиардов долларов российской элиты лежат в наших банках, вы ещё разберитесь: это ваша элита или уже наша?».

Наложение данных факторов друг на друга, дающее кумулятивный эффект, особенно обостряется во время кризиса. И конфликт между краткосрочными и долгосрочными целями, к которому в конечном итоге сводится геостратегический «обмен», обретает дополнительную остроту.

Уже цитировавшийся исследователь Э. Люттвак указывал на то обстоятельства, что лишь немногие страны имеют достаточно активные политические стратегии и бюрократические структуры, ориентированные на ведение геоэкономических войн. И далеко не всегда это крупные индустриальные страны, в некоторых случаях маленькие,

но активные государства создают в своих пределах подходящие условия: повышая уровень образования, оказывая поддержку инновациям, создавая организационную, финансовую и правовую инфраструктуру. Действительно, такие страны, как Ирландия или Финляндия, Южная Корея или Япония, в отличие от Китая или СССР/России, ничего геополитически не контролировали, но смогли в «коротком XX в.» (Э. Хобсбаум) воспользоваться плодами скорее геоэкономики, чем геополитики. Так, первые строки в традиционном индексе глобальной конкурентоспособности занимают Финляндия, Сингапур и Швеция, которые имеют при этом весьма незначительное количество глобальных конкурентоспособных компаний, входящих в список 500 крупнейших мировых корпораций [4]. Для сравнения, страны БРИКС, занимая лидирующие позиции в мире по развитию глобальных корпораций, получают самые низкие оценки в рейтингах глобальной конкурентоспособности [4].

В современных условиях «стабильной нестабильности» миропорядка для геостратегии государства все большее значение приобретает внешний, международный контекст. При этом ключевым вызовом является принципиальное изменение общего характера субъектности международных отношений, все более значимыми участниками строительства «мир-системы» (Э. Валлерстайн) становятся, помимо государств (число которых растет), транснациональные и общественные акторы.

В силу этого все менее корректно рассматривать «иррациональные» реалии геостратегии государства в контексте формирования новой архитектуры миропорядка в двоичной системе координат (хорошо-плохо). Современное мировое развитие характеризуется сплетением множества противоречивых тенденций, которые с очевидностью проявляются в специфике поисков наиболее эффективных путей достижения приемлемого баланса национальных и международных интересов.

«Оседлать законы истории» (И. Сталин), как убедительно доказывает современная международная жизнь, можно лишь эффективно, взаимодополняясь используя имеющийся арсенал геополитических и геоэкономических средств, инструменты как «жесткой», так и «мягкой» силы.

Список источников и литературы

1. Воронов К. Евросоюз в контркризисной конкуренции «центров силы»: потенциал, реалии, надежды // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 3.
2. Дубинин С. И все-таки она вертится. Вокруг денег // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 13. № 1.
3. Дугин А. Основы геополитики. М. : Арктогея-центр, 2000.
4. Кондратьев В., Егоров А., Аукуционек С. Оценки конкурентноспособности стран // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2.
5. Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М. : ИРИСЭН, 2006.
6. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю 1660–1783. СПб. : Terra Fantastica, 2002.
7. Brzezinski Zb. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. Basic Books, 2012.
8. Johnson S., Kwak J. White House Burning: The Founding Fathers, Our National Debt, and Why It Matters to You. Pantheon, 2012.
9. Luttwak E. The Endangered American Dream. Simon & Schuster, 1994.

А. И. Тарасов,
доцент УрФУ, г. Екатеринбург

Внешнеэкономическая деятельность Российской Федерации в стартовых условиях членства во Всемирной Торговой Организации

После 18-летнего, самого продолжительного в истории Всемирной торговой организации (ВТО) периода, Россия в прошедшем 2012 г. наконец-то завершила процесс присоединения к этой важнейшей международной организации. При этом все последние годы в рамках постцентрализованной экономики внешняя торговля России демонстрировала стабильный рост. Исключением является лишь 2009 г., когда разразился мировой финансовый кризис (табл. 1). Присоединение России к ВТО в этих условиях является для нее дополнительным эффективным инструментом ее дальнейшей интеграции в мировую экономику.